

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

УДК 94:316.752.4(470.56)«192»

Д. А. Сафонов

ПОКОЛЕНИЕ НАДЛОМА: ДЕФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ПОКОЛЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА»

Аннотация: Статья посвящена изучению изменений в сознании представителей поколения «революционного перелома» – поколения революции и гражданской войны. Как всякое поколение, оно отличалось от предшествующего, формируясь под воздействием происходивших перемен, внешних объективных факторов. Основываясь на анализе источников личного происхождения, автор указывает на некоторую «особость» рассматриваемого периода, заключая, что для этого поколения были характерны более глубинные сдвиги в сознании, приведшие в итоге к замене исторически традиционных ценностных устоев на иные, более разрушительные, более деструктивные. Замена ценностных ориентиров, критериев добра и зла была совершена в ускоренные сроки при агрессивно активном участии коммунистической власти, одновременно насаждавшей прежде всего среди подрастающего поколения новые моральные принципы и искоренявшей носителей прежних. В заключении делается вывод, что именно из представителей этого поколения в дальнейшем формировалась советская номенклатура.

Ключевые слова: подрастающее поколение, революция, гражданская война, моральные ценности, деформация сознания, христианские традиционные ценности.

Сведения об авторе: Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Оренбургского государственного университета (Россия, Оренбург).

E-mail: d_safonov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0882-4592>

Цитирование: Сафонов Д. А. Поколение надлома: деформация традиционных ценностей у поколения «революционного перелома» // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 4 (33). С. 158–175.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00132 «Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века»: <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Поступила в редакцию: 04.11.2024

Принята к публикации: 08.12.2024

Введение. Термин «поколение революционного перелома» впервые использовал социолог Ю. А. Левада, назвав так первую по счёту поколенческую группу при рассмотрении поколений в России XX века в исторической перспективе¹. По его мнению, сюда относились люди, родившиеся в 1905–1930 гг. Углубляться в вопрос он не стал; тем более что предложенные им же названия прочих групп не выдерживают серьёзной критики («сталинская мобилизационная система», «военный и непосредственно послевоенный период», «застой», поколение «перестройки и реформ»). Однако само определение «революционного перелома» нашло отклик в научной среде и стало использоваться². Стоит указать, что в определении возрастных рамок данного поколения единства нет. Тот же Ю. Левада основным определяющим фактором считал события, т. е. условия, в которых существовало поколение: здесь – «революционные события, войны, расцвет и закат Серебряного века русской культуры». Впрочем, и социологи, и историки сегодня отталкиваются больше от «теории поколений» В. Штрауса и Н. Хау. Они под поколением понимают определённую возрастную группу людей, выросших в одинаковых исторических условиях и потому склонных разделять определённые убеждения, ценности, модели поведения³. Постановка проблемы социологами, формулирование ими основных положений, создание определённого инструментария для исследований, наконец, исходный тезис, что поколения привязаны к эпохальным историческим событиям⁴, в итоге сблизило их с историками, а точнее – историков с ними. Но в то же время есть и ощутимая разница – суть которой

---

¹ Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.

² Вязинкин А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7–2. С. 153–165; Вязинкин А. Ю. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296–1303.

³ Howe Neil; Strauss, William. Generations : the history of America's Future. 1584 to 2069. NewYork, 1991. 538 p.

⁴ Милехин А. В., Сидорина А. В. Поколенческий классификатор современного российского общества // Вестник университета. 2021. № 1. С. 157.

в своё время образно показывал П. Сорокин: «Битва при **Танненберге** – объект исторического исследования; а **битва** при Танненберге – уже предмет социологии. **Берлинский** университет принадлежит скорее истории, а Берлинский **университет** – социологии»⁵. Социологи прежде всего видят конфликт между поколениями и конфликт этот – вечный, следуя тем самым за западными исследователями: «на сегодняшний день в социологии особое место занимает американский подход к поколенческой сегментации, разработанный учёными Н. Хоувом и В. Штраусом: поведенческие паттерны одного поколения абсолютно несхожи с паттерном, демонстрируемым другим поколением в том же самом возрасте»⁶.

По сути американцев интересовали только сходные культурно-ценностные системы у населения США в различные исторические периоды. Уместно подчеркнуть, что именно США; на Россию их выводы переложили уже наши отечественные специалисты⁷. Западные авторы по сути придерживаются видения ситуации, сформулированного ещё в 1970 г. антропологом Маргарет Мид о конфликте поколений, когда более молодое поколение отказывается от ценностей и стандартов старшего поколения в пользу своих собственных убеждений, что в итоге и обеспечивает социальный прогресс и развитие⁸.

Стремление провести сегментацию российского общества XX в. на поколенческие группы по американской модели играет с отечественными исследователями злую шутку – так, А. В. Милехин и А. В. Сидорина в одной публикации оперируют одновременно понятиями «Великое поколение 1900–1923 гг.» и «поколение революционное» 1905–1925 гг. По логике повествования выходит, что в одну группу причисляются прежде всего урождённые в этот временной промежуток (легко меняющиеся временные границы, на наш взгляд, говорят об их необязательности для авторов). Между тем, по мнению авторов «теории поколений», этого явно недостаточно.

---

⁵Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. С. 65.

⁶Милехин А. В., Сидорина А. В. Поколенческий классификатор современного российского общества... С. 157.

⁷«Использованием инструментария потребительской панели Ромир была проведена сегментация российского общества на поколенческие группы, что позволило *адаптировать* американский подход к сегментации к специфике культурно-исторического контекста российского общества [Милехин А. В., Сидорина А. В. Поколенческий классификатор современного российского общества // Вестник университета. С. 158.]»

⁸Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. New York : Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970.

Проблема. В начале XXI в. известный историк Теодор Шанин призвал изучать историю через изучение поколений – т. н. заняться «поколенческой историей»⁹. Он резонно считал, что без понимания изменений, которые наблюдаются в сменяющих друг друга поколениях, должного понимания исторического развития не достичь. История поколений заинтересовала и историков, но несколько иначе, нежели социологов. И поколение «революционного перелома» представляет особый интерес. Как бы продолжая мысль П. Сорокина, укажем: «**поколение** революционного перелома» есть предмет социологии; «поколение **революционного перелома**» – есть предмет истории. У историков большие цели и задачи.

Историография. В историографии очевидно определяются две основные линии понимания проблемы при том, что наблюдается полное единство в оценке происходившего как «межпоколенческом разрыве», не имевшем ранее аналогов своим масштабам конфликта поколений. Расхождение наблюдается в объяснении такового. Первый вариант – взгляд на ситуацию сообразно с позицией американской социологии: так, А. Ю. Рожков пишет об «объективном противоречии между традиционным укладом повседневной жизни сельской общины и бурно распространяющейся социально-культурной модернизацией», носителем идей которой и являлась молодёжь¹⁰. Таковую он определял как «инновационно-авангардную» субкультуру молодёжи. Совершенно в духе М. Мид, он констатировал «некоторое прерывание традиций, закономерное для динамично изменяющихся социальных организмов: «„Дети“ уже не хотели жить по-старому, в то время как „отцы“ были не способны, либо не желали научиться жить по-новому»¹¹. Другой подход продемонстрировал А. А. Слезин, не согласный с закономерностью и логичностью происходившего¹². Напротив, он полагал исключительность и неповторимость возникшей ситуации, акцентируя внимание на роли в происходившем партии и государства. Разделяя его видение, мы рассматриваем ситуацию примени-

---

⁹Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.

¹⁰Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодёжи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) // Голос минувшего. 2016. № 3–4. С. 164.

¹¹Там же. С. 180.

¹²Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 446–477; Слезин А. А. Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 1. С. 45–66.

тельно к Оренбургской губернии, более интересуясь не действиями властных структур, но представлениями и взглядами современников.

Методы исследования. Симптоматично, что, определяя первое поколение XX века («Великое» или «революционное»), социологи весьма скупо, по сравнению с последующими, детализируют его. В принципе это понятно – социологические методы, допускающие корректировку анализа респондентов в отношении более ранних периодов, уже не работают – всё ограничивается информационными возможностями имеющихся источников. Наиболее репрезентативные – источники личного происхождения. Нами собраны все источники этого вида по одной Оренбургской губернии¹³. Анализ таким образом созданной выборки даёт основание для суждений и наблюдений.

Обсуждение и результаты. Тезис об отличии каждого нового поколения от предшествующего не является спорным; на этом сходятся практически все исследователи. С определёнными оговорками можно согласиться с западным мнением о неизбежном конфликте поколений, но не как объяснение взрыва, но как констатацию неизбежности изменений в новом поколении при изменениях внешних. Достаточно сопоставить менталитет поколения освобождённых крепостных и их детей, чьё развитие и социализация происходили после 1861 г. Крестьянская среда более чем традиционна – сами условия существования, земледельческий труд, бытие – и всё же менталитет свободных отличался: исчезает чувство зависимости от помещиков, пробуждается инициативность. Показательно, что вопрос об отрезках, их возврате, бывший весьма актуальным для поколения 1861 года, постепенно теряет ценность для последующих, и в итоге вообще исчезает. И это при том, что размеры крестьянских земель не менялись.

Таким образом, перемены, несомненно, есть, но ни о какой революционной, т. е. кардинальной перемене не может быть и речи. Менялись прежде всего условия существования – но оставались неизменными традиционные ценности.

Крестьянская общинность помимо прочего создавала определённую среду, базирующуюся на традиционности: бытия, мышления, ценностных ориентиров. К последним относим уважение к земледельческому труду (вспомним презрительную кличку односельчан, не работающих на земле – кулаки-мироеды), к семейным ценностям, всё основывающееся на право-

---

¹³Сафонов Д. А. Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников : оренбургские источники : монография. Оренбург : ОГУ, 2021.

славных ценностях и принципах. Это была единая нравственно-культурная среда, способная защищаться, защищать и влиять. Среда сохранялась ещё и по причине существования деревни в состоянии закрытого сообщества, деления на своих и чужих и выступлением мира единой силой против «внешнего врага». Разумеется, вечно так продолжаться не могло; шло постепенное разрушение старого мира (общины), процесс, который ещё называют раскрестьяниванием. Не погружаясь в проблему с термином, укажем, что большинство исследователей-крестьяноведов подразумевают под таковым прежде всего именно отход/отказ от традиционных принципов. Сельский мир на определённом этапе был способен нивелировать тех, кто выбивался за рамки – в поведении и образе жизни. Не то чтобы мир был в состоянии перевоспитать, но нарушитель ставился перед выбором: оставаться или уходить. Процесс раскрестьянивания был поступательный и непрерывный; в итоге традиционная крестьянская общность неизбежно бы кардинально изменилась: и по имущественным причинам, и по моральным. Но всё же это был бы постепенный процесс, затрагивавший несколько поколений; количество должно было перейти в качество – логика подсказывает, что процесс шёл бы медленнее при отсутствии дестабилизирующих факторов. Не вызывает сомнения, что в начале XX в. серьёзно на российское общество в целом и на крестьянство в частности повлияли войны – мировая и гражданская. Это неизбежное сокращение мужского репродуктивного и работоспособного населения в тылу, гибель их на фронтах, закономерное сокращение посевных площадей, уменьшение голов скота и лошадей и – как следствие – ухудшение условий жизни остающихся в тылу, перекладывание трудовых обязанностей на непризывную молодёжь. В принципе, названные отрицательные моменты присущи любой войне; применительно к Первой мировой особой будет масштабность отрицательных последствий. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в армию было призвано 47,4 % работавших мужчин¹⁴. Никогда ранее страна не выводила за рамки мирного труда и бытия такого количества работоспособного взрослого мужского населения – незамеченным для подрастающего поколения, остающегося в деревнях, это никак не могло пройти. И тут в регион приходит гражданская война. Некоторые населённые пункты неоднократно переходили из рук в руки – и молодёжь там в итоге втягивалась в противостояние, но значительная часть губернии представляла

---

¹⁴ Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 61.

собой условные «медвежьи углы», население которых осталось как вне вооружённого противостояния, так и вне реальности, как об этом писал атаман Дутов в 1919 году: «Налоги земские не вносятся, служащие разъехались, больницы в деревнях почти везде закрыты, лекарств нет, денег персоналу не платят, содержать больницы нечем. Школы не работают, учителей нет, жалование им не платили за полгода и больше, все почти поступили в чиновники или же в кооперативы. Дороги не исправляются, мосты не чинятся, всё разваливается. В деревнях нет ситца, нет сахара, нет спичек и керосину. Пьют траву, самогонку, жгут лучину»¹⁵. Значительная часть населения всё время военного противостояния была предоставлена сама себе. И если ценностные ориентиры взрослого населения за это время и были деформированы, но основ не лишились, то для молодёжи всё было значительно серьёзнее. Предоставленные сами себе подростки оказались в совершенно новых условиях.

Установившаяся в крае коммунистическая власть повела активную работу прежде всего среди молодых, стремясь объединить их в коммунистический союз. На каких принципах, идеях, лозунгах строилась в тот период комсомольская работа? Историки, знакомые не понаслышке о ВЛКСМ, представляли и представляют себе комсомол в рамках собственного опыта 1960–1980-х гг. Мемуаристы в абсолютном большинстве писали свои воспоминания в 1950-х гг. На память ошутимо влияли доброе отношение к событиям юности, а также установившиеся политические стереотипы. Тезис о представлениях комсомольцев как некоей константе на протяжении всего времени существования ВЛКСМ есть лишь тезис. Единой по всем параметрам организация стала только в 1930-е годы. До этого при достаточно общих заявленных задачах реализация их на местах имела самые разные формы. Мемуаристы, естественно, описывали свою деятельность в 1920-х гг. так, «как надо», разве что иногда сообщая отдельные эпизоды, как, например, бросание комсомольцами камнями в окна церкви на Пасху. Теперь авторы не очень одобряли подобное, сообщая в качестве примеров «болезни роста». Но есть и косвенные свидетельства, позволяющие увидеть больше заявляемого в общих фразах. Для понимания поставленной нами задачи очень важно конкретизировать, на какие задачи был ориентирован тогда комсомол, как именно велась повседневная работа.

---

¹⁵Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 : сб. документов и материалов / гл. ред. П. С. Лучевников. Челябинск, 1962. С. 198.

Коммунистическая власть, безусловно, делала ставку на молодёжь. В 1923 г. нарком А. В. Луначарский говорил о молодёжи, что у неё «мало жизненного и партийного опыта», «нет никакой общеобразовательной подготовки», «она неграмотна, мало подготовлена, не привыкла отвлечённо мыслить, работать над книгой». Тем не менее, всё это он показательно считал «большим плюсом»: молодёжь «задета революцией» и «поэтому представляет чрезвычайно богатый и благодарный материал»¹⁶. Логичен вопрос: материал для чего? За ответом столь же логично обратиться к свидетельствам агитаторов, призывавших к созданию комсомола. Таковые были как бы на двух уровнях: коммунисты, агитировавшие за союз, и сами комсомольские активисты, работавшие с массами. Ко времени образования организации в Оренбурге никто не знал чётко, что такое РКСМ. «Оренбург был оторван от центра, позаимствовать опыт работы, уже имеющийся у комсомольской организации, было невозможно, мы не имели даже ни одного экземпляра программы и устава РКСМ, не знали, с чего мы должны начать работу, не могли ясно сформулировать задачи этой организации»¹⁷. Тем не менее, на организационном собрании «все выступавшие рассказывали о ... задачах Коммунистического союза молодёжи»¹⁸. Иными словами, цели и задачи декларировались так, как их понимали здешние коммунисты: право рабочих на лучшую жизнь и открывающиеся перед молодыми новые, хотя и неопределённые, возможности. А чтобы обеспечить это, нужно разбить всех внешних и внутренних врагов. Обращает на себя внимание, что вся агитация была построена на намеренном преувеличении важности и значимости молодых: «В чьих руках ваше будущее? – В ваших! Вы будете строить новую жизнь, где не будет бедных, не будет эксплуатации человека человеком... на комсомольцев будет возлагаться вся надежда в построении нового коммунистического общества»¹⁹. А вот свидетельство 1927 года – выступление уполномоченного старого большевика на организационном собрании на х. Украинка: «горячо с огоньком донёс до молодёжи её почётную роль в деле беззаветного служения Родине Великого Октября, в духе идеалов – борьбы за социализм»²⁰. М. Сдобнов пи-

¹⁶ Луначарский А. В. Речь [на 2-м Всерос. съезде совпартшкол 11 апреля 1923 г.] // Правда. 1923. 12 апреля.

¹⁷ Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6002. Оп. 1. Д. 538. Л. 33.

¹⁸ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 527. Л. 11.

¹⁹ ОГАОО. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3.

²⁰ Архив Орского краеведческого музея (АОКМ). Д. 89/31. Л. 12.

сал: «Мы учились политической грамоте, главным образом, слушая доклады старших товарищей-членов партии»²¹. Комсомольские агитаторы были ещё более кратки и неопределённо. Мемуарист С. П. Фёдоров сам позднее признавал: «В те годы речи мои были бесхитростными, но призывно горячими, хоть считался я, не хвалясь, искренне скажу, неплохим оратором. Речи этого „оратора“ сводились к следующему: раньше народ ходил к царю просить хлеб и волю, а теперь мы не пойдём, хватит, сами добудем»²².

Важным элементом правительственного курса в отношении молодежи на начальном этапе было разрушение семьи, названной на XIII съезде партии Н. И. Бухариным «самой консервативной твердыней всех гнусностей старого режима»²³. Созвучно было суждение в письме Оренбургского губбюро, направленном в ЦК 14.2.1920 г., где говорилось «есть зло, с которым приходится неустанно бороться – это родители»²⁴. В самом начале революции реализовывалась идея отмены семьи вообще и передачи детей на воспитание советскому государству. Позднее, осознав невозможность реализации задуманного, партия отказалась от ликвидации института семьи. Говорить и писать о подобных неудачных начинаниях при общей установке на поступательное успешное развитие впоследствии историки (как и мемуаристы) не стремились. Более подробно об этом писали западные авторы²⁵. В рассматриваемых мемуарах о реализации идеи изъятия детей в детские дома упоминалось только однажды, вскользь: «Пришёл 1920 г. Наступил голод, который нагрузил работу на наши детские дома. Если в предыдущем году матери не отдавали своих детей и последних приходилось брать чуть ли не силой, то теперь детишек везли ежедневно возами и детдома были переполнены»²⁶.

Многие мемуаристы сообщали, что вступление их в комсомол в 1918–1919 гг. вызывало резкое неприятие со стороны родителей, как пере-

---

²¹ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 549. Л. 5.

²² ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 551. Л. 12.

²³ Ривес С. М. Содержание, методы и организационные формы детского коммунистического пионерского движения // Педагогическая энциклопедия / под ред. А. Г. Калашникова, М. С. Эпштейна. Т. 2. М. : Работник просвещения, 1930. С. 478.

²⁴ Юность комсомольская моя : монография / Д. А. Сафонов, Е. Ф. Томина, О. В. Ягодина, Л. Т. Жайбалиева. Оренбург : ОГУ. 2019. С. 13.

²⁵ Goldma Wendy Z. Women the state and revolution : Soviet family policy and social life, 1917–1936 [Repr.]. Cambridge [etc.] : Cambridge univ. press, 1995. 351 p.

²⁶ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 329. Л. 76. [Подчеркнуто нами – Д. С.]

ход на сторону Антихриста: «Многие родители (не исключая и моих) считали, что, вступив в комсомол, их дети продали душу дьяволу, и запрещали им работать с „антихристами“» (С. Федоров)²⁷; «Воспитанные при старом строе, очень религиозные, мать и бабушка не могли естественно легко принять новый строй большевиков, не признающих религии» (А. Курилова)²⁸; «комсомольцы выступают против церкви, религии и против бога» (А. Купчинский)²⁹.

Религиозность объявлялась «неизжитым мелкобуржуазным пред-
рассудком³⁰, а «антирелигиозная пропаганда» ставилась второй по значи-
мости в работе комсомольских ячеек – между «воспитанием молодёжи»
и «защитой интересов бедноты»³¹. Важно подчеркнуть, что термин
«атеистическая» пропаганда совершенно отсутствовал – только «анти-
религиозная». Ещё более расхожим стало упоминание о «безбожниках»
как полной противоположности верующим: всероссийское общество
«Безбожник», его организации на местах, общесоюзный журнал с этим
названием, раздел в местной партийной прессе (первый такой раздел по
стране в местных газетах появился именно в Оренбурге). Интеллектуальный
уровень «безбожников» был крайне низок. Один из активных оренбургских
большевиков, называвший себя «глав-безбожником в Оренбурге», А. Ф. Ма-
стаев утверждал позднее, что, «прочитав романы Данилевского ... с меньшим
почтением стал относиться к царям. Прочитав историю культуры Кольба³²,
я подорвал веру попов и религию»³³. Другой «безбожник» Андрей, брат
рассказчика, «назубок знал библию для верующих и неверующих»³⁴, чего
ему хватало, чтобы «как воинствующий безбожник, так он себя и называл,
спорил и доказывал любому взрослому»³⁵. Разумеется, мемуаристы серьёзно

---

²⁷ОГАОО. Ф. 2837. Оп. 1. Д. 163. Л. 11.

²⁸Юность комсомольская моя... С. 17.

²⁹ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 527. Л. 2 об.-3.

³⁰ОГАОО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

³¹ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 527. Л. 2 об.

³²См. подробнее: *Кольб Г. Ф.* История человеческой культуры с очерком форм государственного правления, политики, развития свободы и благосостояния народов / пер. А. А. Рейнгольда. Киев ; Харьков : Юж.-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1896–1899.

³³ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

³⁴АОКМ. Д. 83/31. Л. 12.

³⁵Там же. Л. 14.

приукрашивали собственные достижения³⁶; Оренбургский губком РКП (б) в декабре 1925 г. констатировал, что «Общество» формально существует только в Оренбурге и работа его ограничивается проведением биологических и физических «семинариев», а также изданием книги местного доктора Г. Я. Брука «Азбука безбожника»³⁷. Низкий уровень агитации говорит не только об интеллекте её участников, но и самих методах таковой, построенных на демагогии и полном, абсолютном отрицании всего³⁸. Упомянутый выше Андрей на вопрос встреченного священника «во что он верит», «быстро ответил, смотря прямо в глаза священника: „в алые губки и полные груди“. Батюшка знал, что он секретарь комсомольской ячейки, воинствующий безбожник и ведёт разъяснительную атеистическую пропаганду среди сельской молодёжи на любых вечеринках в хуторах... и в любое время, и вот, получив такой неожиданный ответ, уже не вступал с ним в разговор»³⁹.

Разрыв комсомольцев с семьёй означал, помимо прочего, высвобождение из-под родительского надзора и авторитета. В комсомольском клубе «молодёжь проводила свой досуг, сбрасывала с себя бремя предрассудков и отрицательных традиций, унаследованных от прошлого» (М. С. Здобнов)⁴⁰; «Здесь, не опасаясь родительского гнева и ремня, мы „свергали“ с вековых пьедесталов богов и кумиров прошлого» (Екатерина Федирко)⁴¹.

Разрыв с религией избавлял от страха божьего – можно было теперь многого не бояться. Судя по мемуарам, у молодёжи формировалось ощущение, что теперь молодым можно всё, или почти всё. Иногда комсомольцы

---

³⁶Свидетельство в качестве иллюстрации: «В одном из сел нас поместили в богатую старообрядческую семью. Хозяева приняли все меры к тому, чтобы мы пили и ели из отведенной нам посуды и не заходили к ним в горницу. Между прочим, как-то однажды они затеяли с нам спор на религиозную тему. Вытащив библию, сочинение о Платоне, хозяин стал задавать нам вопросы. При нашем возрасте и развитии мы не могли тогда квалифицированно оспаривать доводы Платона. Однако мы упорно [доказывали] о том, что религия – это опиум для народа и средство порабощения его» [ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 549. Л. 9.]

³⁷Отчет Оренбургского губкома РКП (б) к XI Губернской Партийной Конференции. Декабрь 1925 г. Оренбург : 1-ая Гос. типо-литография Оренполиграфпрома, 1925. С. 75. См. подробнее: Брук Г. Я. Азбука безбожника (Религия и наука). Оренбург : АПО Губкома, 1925. 52 с.

³⁸Здесь уместно вспомнить, что народники во время «хождения в народ» в 1870-х гг. использовали положения Евангелий для доказательности своих революционных лозунгов.

³⁹АОКМ. Д. 89/31. Л. 12.

⁴⁰ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 549. Л. 5.

⁴¹ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529. Л. 20.

заходили слишком далеко – самовольно захватывали дома под свои клубы, выселяя священника, учительниц и т. д., грабили проезжающих в условиях начинающегося голода⁴². **Прежние традиционные моральные установки были отринуты.** Внимательное изучение личных источников позволило выделить слово, которое, мы полагаем, можно отнести к базовым новым понятиям – это «ненависть»: «классовая ненависть к буржуазии, ненависть к казачьей плётке... и привела меня к комсомолу»⁴³; «отец с детства воспитывал во мне ненависть к царизму»⁴⁴; «большое впечатление произвела на меня встреча с людьми, которые смело говорили про жестокость царя, про эксплуатацию рабочих, звали на борьбу с врагами рабочего класса. У этих сильных и смелых людей я научилась ненавидеть царя и его опричников, здесь я получила первые уроки революционной борьбы»⁴⁵; «инстинктивное чувство ненависти к капиталистическому строю с Февральской революции толкнуло меня на активную борьбу»⁴⁶; «наша ненависть, воспитанная жизнью к старому буржуазному строю, и глубоко проникшее в нас революционное настроение в армии сразу же предопределило нашу позицию»⁴⁷; двенадцатилетняя Маша Закопаева, полная, по её словам, «чувства ненависти к тем, кто нарушил наш детский покой», училась стрелять⁴⁸.

Ещё одно понятие, которое также стоит отнести к базовым, это «насилие», одобрение его. Само слово не звучит в текстах, но ощутимо присутствует: А. С. Неверова с гордостью сообщала об участии вместе с оперативной группой в облавах и усмирении кулацких восстаний⁴⁹; шестнадцатилетняя П. Версонская с гордостью вспоминала: «Немало белогвардейцев выявили мы, прибегая к помощи детей, молодёжи, которые сообщали нам их места и укрытия.

---

⁴²См. подробнее: Сафонов Д. А. Комсомольцы российской провинции первого призыва: мироощущение и политическая активность // История: факты и символы. 2022. № 4. С. 39–57.

⁴³АОКМ. Д. 2/49. Л. 25.

⁴⁴ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 135.

⁴⁵ОГАОО.Ф. 6002. Оп. 1. Д. 243. Л. 24.

⁴⁶ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 93. Л. 139.

⁴⁷АОКМ. Д. 1/49. Л. 3 об.

⁴⁸АОКМ. Д. 27/31. Л. 12.

⁴⁹Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (НА ОГИКМ). Ф. 2554. Оп. 1. Д. 997. Л. 19.

Мы их уничтожали»⁵⁰; «вот были белые звери, они нас душили, били, теперь душить и бить их будем мы»⁵¹, мемуаристка одобрительно сообщала о своей подруге, забившей вальком раненого казачьего командира⁵².

Заключение. Как известно, любой ребёнок формируется как личность (социализируется) в традиционной системе ценностей семьи, веры, традиций. Не имевшее ранее аналогов разрушение традиционной системы семейного воспитания вызвало деформацию всего остального.

Особыми и в определённом смысле неповторимыми можно полагать детей именно этого поколения «революционного перелома» по причинам малолетства их в самые переломные годы. Они были слишком малы, чтобы видеть прежнее бытие, и поэтому принимали на веру упрощённые рассказы об эксплуатации и жестоком угнетении очевидных врагов и той неопределённой, но светлой жизни, которая неизбежно наступит после уничтожения всего «зла». Им просто не с чем было сравнивать. Они оказались наиболее податливыми на новые ценности и ориентиры – Павлики Морозовы, как явление, принадлежали именно к этой возрастной группе.

Таким образом, уникальность данного поколения заключалась в наблюдаемом дуализме воздействия; мы имеем дело с поколением детей, социализирующихся в условиях намеренного разрушения культурной, социальной, религиозно-нравственной и просто семейной традиции, и одновременно в условиях намеренного формирования иных ценностей и традиций.

Обращение к личным делам партийной номенклатуры, т. е. тех, кто в 1930-х гг. выдвигался партийными органами на руководящие должности разных профилей и уровней, показывает, что выдвигались не участники гражданской войны (иными словами – активные защитники советской власти), а как раз те, кто не участвовал в конфликте белых и красных по причине возраста – у абсолютного большинства в автобиографиях указывалось, что в годы острого противостояния непосредственно в крае они либо учились, либо занимались дома на селе хозяйством. В отличие от ветеранов гражданской, которые хоть и доказали свою преданность новому строю, но сформированы как личности были в «прежнее» время, коммунистическая власть предпочитала опираться на поколение «перелома».

---

⁵⁰ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 534. Л. 4.

⁵¹ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 551. Л. 12.

⁵² ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 215. Л. 67.

Архивные источники

1. Архив Орского краеведческого музея (АОКМ). Д. 1/49.
2. АОКМ. Д. 27/31.
3. АОКМ. Д. 89/31.
4. Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (НА ОГИКМ). Ф. 2554. Оп. 1. Д. 997.
5. Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 31. Оп. 1. Д.3.
6. ОГАОО. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 6.
7. ОГАОО. Ф. 2837. Оп. 1. Д. 163.
8. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 22.
9. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 93.
10. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 135.
11. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 243.
12. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 527.
13. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 529.
14. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 538.
15. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 549.
16. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 551.
17. ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 329.

Источники и литература

1. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2014. 543 с.
2. Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 : сб. документов и материалов / гл. ред. П. С. Лучевников. Челябинск, 1962. 440 с.
3. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
4. Луначарский А. В. Речь [на 2-м Всероссийском съезде совпартшкол 11 апреля 1923 г.] // Правда. 1923. 12 апреля.
5. Милехин А. В., Сидорина А. В. Поколенческий классификатор современного российского общества // Вестник университета. 2021. № 1. С. 156–163.
6. Вязикин А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 153–165.
7. Вязинкин А. Ю. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296–1303.
8. Отчет Оренбургского губкома РКП (б) к XI Губернской Партийной Конференции. Декабрь 1925 г. Оренбург : 1-ая Гос. типо-литография Оренполиграфпрома, 1925. 120 с.

9. *Ривес С. М.* Содержание, методы и организационные формы детского коммунистического пионерского движения // Педагогическая энциклопедия / под ред. А. Г. Калашникова, М. С. Эпштейна. Т. 2. М. : Работник просвещения, 1930. С. 473–492.
10. *Рожков А. Ю.* Трансформация ценностных ориентаций сельской молодёжи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) // Голос минувшего. 2016. № 3–4. С. 164–182.
11. *Сафонов Д. А.* Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники: монография. Оренбург : ОГУ. 2021. 311 с.
12. *Сафонов Д. А.* Комсомольцы российской провинции первого призыва: мироощущение и политическая активность // История: факты и символы. 2022. № 4. С. 39–57.
13. *Слезин А. А.* Конфликт поколений в духовной сфере сельского общества второй половины 1920-х годов // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 1. С. 45–66.
14. *Слезин А. А.* Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодёжи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 446–477.
15. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
16. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.
17. *Шохин А.* Пролетарское юношеское движение и его педагогическая ценность // Педагогическая энциклопедия / под ред. А. Г. Калашникова, М. С. Эпштейна. Т. 2. М. : Работник просвещения, 1930. С. 444–452.
18. Юность комсомольская моя: монография / Д. А. Сафонов, Е. Ф. Томина, О. В. Ягудина, Л. Т. Жайбалиева. Оренбург : ОГУ, 2019. 259 с.
19. *Howe Neil; Strauss William.* Generations : the history of America's Future. 1584 to 2069. New York, 1991. 538 p.
20. *Goldman Wendy Z.* Women the state and revolution : Soviet family policy and social life, 1917–1936. Cambridge : Cambridge univ. press, 1995. 351 p.
21. *Mead M.* Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap. New York: Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970.

GENERATION OF THE BREAK: DEFORMATION OF TRADITIONAL VALUES IN THE GENERATION OF THE “REVOLUTIONARY TURNING POINT”

Abstract: The article is devoted to the study of the shift in consciousness of the representatives of the “revolutionary turning point” generation – the generation of revolution and civil war. Like any other, it differed from the previous one, being formed under the influence of the changes that took place, external objective factors. Based on the analysis of the sources of personal origin, the author points at a certain “peculiarity” of the period under consideration, concluding that this generation was characterized by deeper shifts in consciousness, which ultimately led to the replacement of historically traditional value foundations with more destructive ones. The replacement of value guidelines, criteria of good and evil was accomplished in an accelerated time frame with the aggressively active participation of the communist government, which simultaneously implanted new moral principles primarily among the younger generation and eradicated the bearers of the old ones. It is concluded that the Soviet nomenclature was subsequently formed from the representatives of this generation.

Key words: younger generation, revolution, civil war, moral values, deformation of consciousness

About the author: Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Orenburg State University (Russia, Orenburg).

Sources

1. Archive of the Orsk Museum of Local History (AOKM). D. 1/49. *In Russian.*
2. AOKM. D. 27/31. *In Russian.*
3. AOKM. D. 89/31. *In Russian.*
4. Scientific archive of the Orenburg Governor’s Museum of History and Local History (NA OGIKM). F. 2554. Op. 1. D. 997. *In Russian.*
5. United State Archives of the Orenburg Region (OGA00). F. 31. Op. 1. D. 3. *In Russian.*
6. OGA00. F. 1694. Op. 1. D. 6. *In Russian.*
7. OGA00. F. 2837. Op. 1. D. 163. *In Russian.*
8. OGA00. F. 6002. Op. 1. D. 22. *In Russian.*
9. OGA00. F. 6002. Op. 1. D. 93. *In Russian.*

10. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 135. *In Russian.*
11. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 243. *In Russian.*
12. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 527. *In Russian.*
13. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 529. *In Russian.*
14. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 538. *In Russian.*
15. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 549. *In Russian.*
16. OGAOO. F. 6002. Op. 1. D. 551. *In Russian.*
17. OGAOO. F. 7924. Op. 1. D. 329. *In Russian.*

Literature

1. Golovin N. N. Rossiya v Pervoj miro vojvojne. M. : Veche, 2014. 543 s. *In Russian.*
2. Grazhdanskaya vojna na Yuzhnom Urale. 1918–1919: sb. dokumentov i materialov / gl. red. P. S. Luchevnikov. Chelyabinsk, 1962. 440 s. *In Russian.*
3. Levada Yu. A. Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2001. № 5 (55). S. 7–14. *In Russian.*
4. Lunacharskij A. V. Rech' [na 2–m Vserossijskom s'ezde sovpartshkol 11 aprelya 1923 g.] // Pravda. 1923. 12 aprelya. *In Russian.*
5. Milekhin A. V., Sidorina A. V. Pokolencheskij klassifikator sovremennogo rossijskogo obshchestva // Vestnik universiteta. 2021. № 1. S. 156–163. *In Russian*
6. Vyazinkin A. Yu. Pokolenie «revolyucionnogo pereloma» v sud'be russkoj derevni pervoj treti XX v.: problem istoriografii // Voprosy istorii. 2022. № 7-2. S. 153–165. *In Russian.*
7. Vyazinkin A. Yu. Krest'yanskij tradicionalizm v gody «revolyucionnogo pereloma» // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2022. T. 27. № 5. S. 1296–1303. *In Russian.*
8. Otchet Orenburgskogo gubkoma RKP (b) k XI Gubernskoj Partijnoj Konferencii. Dekabr' 1925 g. Orenburg: 1-aya Gos. tipo-litografiya Orenpoligrafroma, 1925. 120 s. *In Russian.*
9. Rives S. M. Soderzhanie, metody i organizacionnye formy detskogo kommunisticheskogo pionerskogo dvizheniya // Pedagogicheskaya enciklopediya. / Pod red. A. G. Kalashnikova, M. S. Epshtejna. T. 2. M. : Rabotnik prosveshcheniya, 1930. S. 473–492. *In Russian.*
10. Rozhkov A. Yu. Transformaciya cennostnyho rientacijsejskoj molodezhi Kubani v usloviyah mezhpokolencheskogo razryva (1920-e gg.) // Golos minuvshego. 2016. № 3–4. S. 164–182. *In Russian.*
11. Safonov D. A. Epoha revolyucionnyh peremen pervoj chetverti XX veka v vospominaniyah sovremennikov: orenburgskie istochniki: monografiya. Orenburg : OGU. 2021. 311 s. *In Russian.*
12. Safonov D. A. Komsomol'cy rossijskoj provincii pervogo prizyva: mirooshchushchenie i politicheskaya aktivnost' // Istoriya: fakty i simvoly. 2022. № 4. S. 39–57. *In Russian.*

13. *Slezin A. A.* Konflikt pokolenij v duhovnoj sferesel'skogo obshchestva vtoroj poloviny 1920-h godov. // *Krest'yanovedenie*. 2023. T. 8. № 1. S. 45–66. *In Russian*.
14. *Slezin A. A.* Mezhpokolencheskij razlom rossijskoj derevni: vliyanie «antireligioznogo nastupleniya» kommunisticheskoy molodezhi na rubezhe 1920–1930-h godov // *Nauchnyj dialog*. 2023. T. 12. № 3. S. 446–477. *In Russian*.
15. *Sorokin P. A.* Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. M. : Politizdat, 1992. 543 s. *In Russian*.
16. *Shanin T.* Istoriya pokolenij i pokolencheskaya istoriya // *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2005. № 3. S. 6–25. *In Russian*.
17. *Shohin A.* Proletarskoe yunoshesko edvizhenie i ego pedagogicheskaya cennost' // *Pedagogicheskaya enciklopediya* / Pod red. A. G. Kalashnikova, M. S. Epshtejna. T. 2. M. : Rabotnik prosveshcheniya, 1930. S. 444–452. *In Russian*.
18. *Yunost' komsomol'skayamoya [Elektronnyj resurs]: monografiya* / D. A. Safonov, E. F. Tomina, O. V. Yagudina, L. T. Zhajbalieva; Orenburgskij gos. un-t. Orenburg : OGU, 2019. 259 s. *In Russian*.
19. *Howe Neil; Strauss William.* Generations : the history of America's Future. 1584 to 2069. New York, 1991. 538 p. *In English*.
20. *Goldman Wendy Z.* Women the state and revolution : Soviet family policy and social life, 1917–1936 / Wendy Z. Goldman. – [Repr.]. – Cambridge [etc.] : Cambridge univ. press, 1995. – XI, 351 p. *In English*.
21. *Mead M.* Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. – New York: Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970. *In English*.